

Коллектив авторов

Москвитянин

1849. Книга 5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К60

К60 **Коллектив авторов**
Москвитянин: 1849. Книга 5 / Коллектив авторов – М.: Книга по Требованию,
2021. – 730 с.

ISBN 978-5-517-93370-6

ISBN 978-5-517-93370-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Не смотря на благопріятную погоду, вечернее поле наше было неудачно, потому что, на этотъ разъ, въ кустахъ мы какъ-то мало нашли нужной намъ дичи.

Между тѣмъ заря совершенно потухла. Не стало слышно ни отдаленнаго говора въ селѣ, ни скрипа телѣжныхъ колесъ по дорогѣ. Птицы также всѣ смолкли. Короткая лѣтняя ночь, хоть не надолго, а все-таки взяла свое: глубокая, торжественная тишина настала повсюду. Охота наша должна была прекратиться до новой зари.

Мнѣ было досадно, что Алексѣй Петровъ завелъ меня въ пустыя мѣста и не пошелъ туда, куда я звалъ его, и гдѣ навѣрное нашъ ловъ былъ бы удачнѣе.

— Нѣтъ, здѣсь ночевать не для чего — сказалъ я ему; — мы и въ утреннее поле ничего здѣсь не поймаемъ. Надобно непременно идти къ Болотцу.

— Что вамъ далось это Болотцо, — замѣтилъ Алексѣй Петровъ съ неудовольствіемъ.

— Да вѣдь самъ же ты слышалъ давеча, когда мы пришли сюда, что въ той сторонѣ кричатъ перепела. Это именно около Болотца.

— Слышать-то слышалъ, — сказалъ онъ съ разстановкой, — только мнѣ кажется, это гораздо правѣе, къ Лутоховой вершинѣ. Впрочемъ, коли вамъ угодно, уже на разсвѣтъ, мы можемъ податься туда; а теперь лучше соснемте немножко. Видите, какъ здѣсь, за лѣсомъ, хорошо и тепло; а тамъ мѣсто сырое, близко рѣки, того и гляди простудитесь. Свое здоровье дороже охоты, сударь.

Я давно замѣчалъ, что Алексѣй Петровъ не очень любить мѣсто, на когоровое я звалъ его. Теперь я видѣлъ также, что онъ всячески отнѣживается идти туда, и мнѣ тѣмъ любопытнѣе было узнать причину такого отвращенія, что объ этомъ мѣстѣ носилось въ народѣ много чудныхъ преданій и суевѣрныхъ рассказовъ. Само по себѣ, мѣсто это не представляло ничего чуднаго и ужаснаго. Это была открытая луговина десятины въ двѣ, лежащая на отлогомъ скатѣ,

между пашень. На лужайкѣ росли рѣдкіе кусты; по срединѣ ея былъ ключъ; струи его, разбѣгаясь по полянѣ, образовали небольшое болотцо, имя котораго и носили на себѣ всѣ лужайки. Не вдалекѣ, у подошвы ската, протекала небольшая рѣка. На другой сторонѣ рѣки росъ березовый лѣсъ. Болотцо это было верстахъ въ трехъ отъ моей деревни. На немъ иногда, по ночамъ, видали блуждающіе огоньки. Окрестные жители были твердо увѣрены, что тутъ зарытъ кладъ, и это-то было источникомъ всѣхъ чудныхъ разсказовъ о таинственномъ Болотцѣ.

— Послушай, Алексѣй Петровъ,—сказалъ я моему товарищу, — я знаю, что ты не такой охотникъ, который бы промѣнялъ охоту на сонъ. Ты совѣтуешь мнѣ уснуть здѣсь отъ того только, что боишься идти ночью къ Болотцу.

Онъ посмотрѣлъ на меня, какъ будто надумываясь, что отвѣчать.

— Бояться-то чего,—сказалъ онъ наконецъ;—а какъ-то жутко.

— Стало быть, ты слышалъ объ этомъ мѣстѣ что-нибудь страшное?

— Какъ же не слыжать-то; я чай, и вы слышали?

— И ты вѣришь этимъ разсказамъ?

Онъ задумался. — А Богъ знаетъ.... не знаю, какъ сказать.

— Случалось ли по крайней мѣрѣ тебѣ самому быть ночью на этомъ мѣстѣ?

— Однажды случилось.

— И ты видѣлъ что-нибудь?

Онъ опять задумался.

— Видѣлъ много,—сказалъ онъ потомъ, махнувъ рукой.

Я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ. Любопытство мое разгорѣлось еще сильнѣе и я приступилъ къ нему, чтобъ онъ разсказалъ мнѣ, что именно онъ тамъ видѣлъ. Но онъ колебался.

— Послушайте, баринъ,—сказалъ онъ,—мнѣ тяжело будетъ рассказывать о томъ, что вы у меня спрашиваете, и я знаю, что отъ этого завтра же напьюсь пьянъ. А вы, пожалуйста, будете еще смѣяться надъ моими рассказами.

Я сказалъ ему, что напиться пьянымъ я его не допущу, и увѣрилъ, что если съ нимъ дѣйствительно случилось что-нибудь неприятное, то скорѣй пожалѣю о немъ, нежели буду смѣяться. Наконецъ мнѣ удалось убѣдить его.

— Ну такъ и быть,—сказалъ онъ; — я васъ люблю; авось мнѣ будетъ легче, когда расскажу вамъ то, чего никому еще не рассказывалъ.

Мы усѣлись около куста, и Алексѣй Петровъ началъ:

— Мнѣ было, думаю я такъ, годовъ осьмнадцать или девятнадцать, когда меня взяли въ кучера. Взяли однакожъ не съ деревни, а изъ двора же, гдѣ до тѣхъ поръ пырjali куда приведется. То въ садъ, бывало, пошлютъ работать, къ садовнику; то дровъ прикащику нарубить; то воды привезтъ; то кой-куда на посылки; ну, извольте знать, болтался то туда, то сюда, и самъ ужъ былъ радъ попасть къ одному мѣсту. Да и кучерская-то должность была у насъ небольшая. Господа и тогда здѣсь не жили; лошадей было не много; надо только было ѣздить съ прикащикомъ, потому что прежній кучеръ становился старъ. Вотъ меня и дали ему въ помощь.

Дядя Савелій — старый-то кучеръ, покойникъ, дай Богъ ему царство небесное! — былъ человекъ добрый. Маленькій, лысенкій старичекъ, да словоохотный такой, что иной разъ, бывало, слушаешь, слушаешь его, да и не переслушаешь. Онъ же прежде служилъ при баринѣ; вездѣ съ нимъ бывалъ, всего насмотрѣлся; такъ о чемъ бы кто ни заговорилъ съ нимъ, онъ тутъ же, къ слову, расскажетъ такую диковинку, что и руками врозь.... Въ примѣръ вамъ сказать: былъ у насъ господскій быкъ; важный, заводскій быкъ, только ужъ такой злобный, что и

приступа нѣтъ. Бьеть встрѣчнаго и поперечнаго. Вотъ дворовые наши и собрались между собой, и толкуютъ, что съ этимъ быкомъ будетъ не безъ грѣха, что онъ уходитъ кого-нибудь. А дядя Савелій и говоритъ скотнику:—стыдно тебѣ, говоритъ, что ты не съумѣешь справиться съ такимъ быкомъ! Когда мы, съ бариномъ, жили въ крѣпости баринъ-то, изволите видѣть, былъ въ какой-то крѣпости комендантомъ), такъ я у него ходилъ и за лошадьми и за скотиной. И былъ у насъ быкъ дикій, Киргизскій быкъ, такъ я и того какъ приучилъ: схвачу за рога, вспрыгну къ нему на шею, да въ стадо-то и ѣду на немъ верхомъ. А быкъ-то, говорю тебѣ, не такой быкъ, съ медвѣдемъ справлялся....

— Какъ съ медвѣдемъ? спросишь его.

— А вотъ какъ. Пошелъ я, какъ-то вечеромъ, за нимъ въ стадо; смотрю, быка-то моего нѣтъ. Спрашиваю у пастуха; должно быть, говоритъ, въ лѣсъ забрелъ. Я въ лѣсъ. Шелъ, шелъ, слышу вдругъ, быкъ мой реветъ, да слышу и медвѣжій ревъ. Я туда, глядь, огромный медвѣдь стоитъ на заднихъ ногахъ, а быкъ приперъ его рогами къ дереву, да такъ и держитъ. Медвѣдь-то и такъ, и сякъ, хочеть его прихватить передними лапами, да нѣтъ, ослабѣлъ, силы не хватаетъ. Вотъ, я схватилъ орясину, да и давай его гладить по косматой головѣ. Да какого мишку-то ухидилъ, въ косую сажень ростомъ!....

Еще любилъ онъ похвастаться, что былъ, при баринѣ, во всѣхъ должностяхъ. И кучеромъ, и камардиномъ, и егеремъ, и поваромъ. Про охоту рассказывалъ, что въ походѣ, когда дрови не хватить, ему пулей случалось бивать, съ разу, утокъ по тридцати. — Сноровлю, говоритъ, какъ онъ на озерѣ спльвуются рядкомъ; да и пущу пулю вдоль по линіи, такъ всѣхъ словно на нитку и нанижу. — А про поварское мастерство свое говаривалъ, что въ военное время, когда бывало барину нечего кушать, онъ пойдетъ на мѣсто сраженія, отрубить кусокъ мяса отъ застрѣленной лошади, избьетъ его, вмѣсто ножа, тесакомъ, изжаритъ, вмѣсто вертела, на штыкѣ, да и

подастъ барину такой бифстекъ , что лучше всякой говядины. Разъ какъ-то , прикащикъ поварь и заспорилъ съ нимъ; не повѣрилъ, чтобы баринъ сталъ кушать лошадиное мясо. А онъ глядитъ на него да качаетъ головой:—дуракъ ты, дуракъ, говоритъ, удивишься, что въ военное время, часто приходится и лошадиное мясо въ сласть; а самъ ничего не знаешь, что есть люди людоеды.

Чудакъ былъ, покойникъ ! Теперь какъ вспомнишь все, что онъ рассказывалъ, такъ , иное мѣсто , смѣшно станеть. А въ ту пору я былъ мальи молодой, нигдѣ не бывалъ, ничего не видалъ; къ тому же былъ не грамотный, такъ удивишься, удивишься, бывало, его словамъ, да и подумаешь : ну какъ не повѣрить человѣку, который своими глазами видалъ такіа диковинки, о какихъ мы и слыхомъ не слышали!....

Вотъ какъ-то, увидѣлъ я у дяди Савелья, въ конюшнѣ на гвоздикъ, перепелиныя дудки.

— Дядя Савелій, — говорю я ему, — никакъ ты и перепеловъ лавливалъ .

— Эка штука, говоритъ , перепеловъ ! Когда мы, съ бариномъ, жили въ крѣпости, такъ я и тетереви кривалъ шатромъ, и куропатокъ кривалъ шатромъ красныхъ и бѣлыхъ. Да какъ ? штукъ по пятидесяти разомъ.

— Ну это, я говорю, само по себѣ; а отъ чего жъ ты теперь не ходишь за перепелами ?

— Нѣтъ, братъ Алеша, говоритъ, закаялся ходить на эту проклятую охоту; другу нѣ другу закажу , да и тебѣ не советую.

— Что же , молъ , такое случилось съ тобой ?

— А вотъ что, слушай:

— Когда баринъ уволилъ меня сюда, на покой, вижу я , что здѣсь сторона вовсе ничтожественная ; совсѣмъ не то, какъ живали мы въ Сибири или въ Польшѣ: ни звѣря, ни птицы никакой нѣтъ ; не чѣмъ заняться. Я и сталъ отъ скуки перепелишекъ ловить. Ловлю я однажды, вече-

ромъ. Ловъ былъ чудный, такъ и валятся подь сѣть. Наловилъ цѣлый мѣшокъ; близко къ полуночи; перестали кричать, а еще осталось много. Думаю: самъ ночую въ полѣ, да возму еще и утреннюю зарю. Прилежъ, задремаль. Вдругъ, подлѣ самого меня, какъ хватить перепелъ, вида я вздрогнулъ. Смотрю, темнехонько; какъ разъ полночь. Подумаль, ужъ не почудилось ли мнѣ съ просонковъ: какъ въ эту пору перепелу кричать? А онъ въ другой разъ; да перепелъ-то какой! словно молотомъ бьетъ; на охотника рублей пятидесяти стоитъ. Постой же, голубчикъ, говорю я себѣ, видно ты горяченькій, мы съ тобой справимся. Я въ дудку, а онъ фррръ отъ меня десятины на двѣ, да опять прокричалъ. Эхъ, молъ, птица-то обитая, пуганая, не скоро поймашь. А больно хорошъ, поймать хочется. Подался я не много къ нему, ударилъ въ дудку; а онъ опять отъ меня. Я къ нему, а онъ отъ меня, все дальше, да дальше, да и привелъ меня прямо въ Болотцо. Слышу, кричитъ въ кустъ, у самага ключа, и съ этого мѣста ужъ не трогается; ко мнѣ не идетъ и прочь не летитъ. Ужъ я бился, бился, подманивалъ его и такъ и сякъ—нѣтъ. Постой же, думаю, дай-ко я его наволокомъ покрою. Распустилъ сѣть, волоку, иду прямо къ нему, а онъ словно меня и не слышитъ: кричитъ себѣ, заливаается все на томъ же мѣстѣ. Подошелъ я къ самому къ нему, сталъ наволакивать сѣть на кустъ, — какъ вдругъ изъ куста ерзанеть, да вмѣсто перепела, прямо мнѣ подь ноги, кошка.... Какъ ахну, да такъ и остолбенѣлъ; стою на одномъ мѣстѣ, и руки и ноги подкосились. И кошка стоитъ да на меня смотритъ, а глаза у нея такъ и горятъ, какъ огонь. Опомнился я не много. Тьфу ты, проклятая, говорю, испугала до смерти, чтобъ тебѣ провалиться! Глядь, а ея ужъ и нѣтъ, словно въ самомъ дѣлѣ сквозь землю провалилась. И перепелъ тутъ же пропалъ: и не кричитъ и изъ куста не вылетаетъ.... Жутко мнѣ стало; я поскорѣ домой, унеси только Господи отъ проклятаго мѣста. Однакожъ перешелъ черезъ рѣчку, отъ сердца-то постлегло у меня. Дай-ко, думаю, остановлюсь да послушаю, не кричитъ ли гдѣ опять пере-

пель. Оглянулся назадъ, и вижу, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ пропалъ, горитъ огонекъ, какъ свѣчка.... Тутъ-то я спохватился, да ужъ поздно: это, братецъ ты мой, давался мнѣ кладъ. Кабы я кошку-то не проклялъ, а перекрестился бы да сказалъ: «Аминь, аминь, разсыпья!» тутъ бы и огребай денежки....

Въ другой разъ опять ловилъ я перепеловъ, подлѣ самой рѣчки, только ужъ на этой сторонѣ, а не на той, гдѣ Болотцо; туда ходить все какъ-то брала меня робость. Вотъ какъ совсѣмъ смерклося, какъ стала опять наступать глухая пора, и слышу я, въ Болотцѣ кричить тотъ же самый перепель. — Ахъ, думаю, вѣдь опять дается мнѣ кладъ.... И тянетъ меня идти туда, и страшно. Только, пока я раздумывалъ да разгадывалъ, слышу, ужъ перепель мой близехонько ко мнѣ подался: кричить на самомъ на берегу, только черезъ рѣчку перелетѣть. Ну, молъ, теперь это ужъ настоящая птица, а не оборотень. Я его поманилъ, и жду: вотъ сейчасъ перелетитъ.... А вмѣсто того, какъ бултыхнется кто-то въ воду, да и поплывъ прямо ко мнѣ; да такъ страшно плещется, что у меня инда волосъ дыбомъ сталъ... Схватилъ я сътъ, да бѣжать; прибѣжалъ въ деревню, да такъ и отдохнуть не могу....

Кажется, довольно ужъ страху натерпѣлся, чего бы больше? такъ нѣтъ, и этимъ не пронялся. Недѣли черезъ двѣ, охота опять выманила. Только пошелъ я совсѣмъ въ другую сторону: къ осиновою рошцѣ. Тамъ, думаю, мѣсто благополучное. И сижу, и ловлю перепела. Крикомъ какъ будто похожъ на того, который ужъ два раза подшутить надо мной, однакожъ есть какъ будто и разница; и идетъ такъ хорошо, какъ слѣдуетъ. Въ это время и набѣги облачко; сдѣлалась тѣма такая, что зги не видать. А перепель, слышу, ужъ подѣ сътью. Я только сталъ приподниматься, чтобы дернуть сътъ, а надъ самой надъ моею головой словно кто-то захохочетъ, да хлопаетъ въ ладоши такъ громко, что у меня въ ушахъ зазвенѣло.... Тутъ ужъ я и не помню, что было со мной; бросилъ въ полъ и сътъ и клятику съ самкой,

и прибѣжалъ домой съ однѣми дудками; да и тѣ не потерялъ отъ того только, что онъ въ рукѣ у меня такъ и замерли.... Съ тѣхъ поръ полно ходить на перепеловъ. Даже утромъ не пошелъ самъ за сѣтью, а послалъ ребятишекъ посмотреть, цѣла ли она. Куда! и слѣду нѣтъ; ни сѣти, ни самки какъ не бывало. Такъ вотъ, братъ, она какова, перепелиная-то охотка!....*

— Да кто жъ это, дядя Савелій, тебя пострацалъ и унесъ твою сѣть? — спросилъ я его.

— Чудакъ ты, чудакъ, — сказалъ онъ. — Развѣ ты не знаешь, что есть на свѣтѣ всякаго рода нечисть, и что лукавый принимаетъ на себя разныя личины для того только, чтобы соблазнить человека, напугать его и насмѣяться надъ нимъ? Известное дѣло, что по водѣ плылъ ко мнѣ водяной, а подѣ льсомъ хлопалъ надо мной въ ладоши лѣшій. И сѣть-то моя попала въ такія же руки. Послѣ, говорятъ, видѣли ее у Овечкинскаго мельника; а мельники всѣ колдуны; такъ тутъ нечего и спрашивать, отъ кого она къ нему попала.

— Ну, а отъ чего жъ ты не идешь отыскивать кладъ, когда знаешь навѣрное, гдѣ онъ положенъ?

— Экъ онъ шутить! — сказалъ дядя Савелій. — Нѣтъ, братъ, это легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Кладъ бери, когда онъ дается, а коли ужъ не успѣлъ взять, такъ нослѣ хоть сто человекъ приходи на это мѣсто и хоть копай они тутъ сто лѣтъ, все ничего не найдутъ. Либо онъ все будетъ дальше въ землю уходить, либо дороуются до такого камня, что его и цѣлая армія не вытащитъ, либо явится какое-нибудь страшное мѣсто, которое всѣхъ разгонитъ.... Знаю я, правда, одинъ секретъ, какъ добывать клады, — прибавилъ

Вообще въ нашемъ простонародіи ходитъ много суевѣрныхъ разсказовъ о разныхъ чудесахъ и ужасахъ, встрѣчающихся на перепелиной охотѣ, во время ночной поры. Источникъ этихъ разсказовъ очень понятенъ: человекъ, кочующему въ полѣ, вдали отъ жилья и въ совершенномъ одиночествѣ, легко можетъ показаться или послышаться что-нибудь такое, чему суевѣрный страхъ придаетъ видъ явленія сверхъестественнаго.

онъ,— да больно ужъ страшно. Тутъ и грѣха много примешь на душу, и страшныя страсти увидишь, а, иное мѣсто, и голову тамъ положишь. Вотъ видишь ли, въ чемъ сила-то: въ ночь подъ Ивана Купалу, въ Юнѣ мѣсяцъ, всѣ травы цвѣтутъ, а въ томъ числѣ цвѣтетъ и трава папоротникъ. И цвѣтетъ она только одинъ часъ въ году, подъ Ивановъ день, въ самую полночь; и цвѣтъ на ней алый, и ночью какъ жаръ горитъ. Вотъ и надобно, въ эту ночь, поидти куда-нибудь въ лугъ, гдѣ есть эта трава, и съѣсть и дожидаться, когда она зацвѣтетъ; да коли тебѣ удастся сорвать этотъ цвѣтокъ, такъ тутъ тебѣ и всякій кладъ, какои бы ты ни захотѣлъ, дастся самъ собою, и все, чего бы ты ни пожелалъ, мигомъ исполнится. Да сорвать-то его хитро. Только что онъ начнетъ разцвѣтать, а тутъ тебя и станутъ кликать со всѣхъ сторонъ: и изъ травы, и изъ воды, и изъ лѣса, и все разными голосами. И чѣмъ ты ближе будешь подходить къ цвѣту, тѣмъ страшнѣе и громче станутъ раздаваться голоса; и станутъ являться всякія чудища и соблазны. И кузнечики съ лошадей, и лягушки съ корову, и люди съ лѣсъ, и русалки, всѣ нагія, выскочатъ изъ рѣки, и станутъ тебя къ себѣ манить, — такъ тутъ-то и держи ухо востро. Если же чѣмъ-нибудь соблазнишься, или оглянешься назадъ, или только остановишься да захочешь послушать, кто тебя кличетъ, тутъ ужъ твой и конецъ пришелъ.... Туда тебя занесутъ, откуда не вынесешь ни праха, ни косточекъ....

Всѣ эти исторіи дядя Савелій разсказывалъ мнѣ вечеромъ, когда мы на сѣнникѣ ложились спать. Вотъ я лежу, да все думаю объ этомъ цвѣтѣ, съ которымъ даютсяклады и сбываются всякія желанія; и думаю я, какъ бы достать этотъ цвѣтъ. Да не для клада хотѣлось мнѣ достать его, — въ молодости человѣкъ на деньги мало зарится, — а вотъ для чего. Я уже вамъ докладывалъ, что я былъ дворовый. Дворня у насъ была большая; и много было дѣвушекъ, и славныя дѣвушки были, только ни къ одной изъ нихъ сердце у меня не лежало. А была у насъ на

деревню дѣвушка Груша, бѣлая, румяная, глаза черные — просто красавица, — ту какъ бывало увижу, такъ сердце и хотеть выпрыгнуть. Лѣтомъ, въ праздничные и въ воскресные дни, всегда собирались у насъ на улицѣ два хорова: одинъ дворовый, другой крестьянскій. Я ужъ всегда, бывало, уйду въ тотъ, гдѣ Груша. И замѣтилъ я, что и она умильно на меня посматриваетъ. И плясать со мной охотнѣе идетъ, чѣмъ съ другими, и въ горѣлки, когда стану ее ловить, поддается нарочно. А какъ станемъ вмѣстѣ бѣгать, такъ насъ до конца игры и не разобьютъ. Въ хоровадѣ, бывало, мы всегда ужъ рука съ рукой. И хоровадъ кончится, и совсѣмъ стемнѣетъ, а мы все еще, гдѣ-нибудь за уголкомъ, шушу да шушу.... Ну, свыклись мы, полюбили другъ друга. Съ годъ продолжалось это; и такъ было мнѣ весело, и такъ мнѣ былъ красенъ тогда бѣлый свѣтъ, что, кажется, не взялъ бы барскаго барства. Только вдругъ, однажды, Груша мнѣ и говорить:

— Слышалъ ты, что староста хотеть просить меня за сына?

Меня какъ варомъ обдало.

— Какъ, говорю, за сына?

— Да такъ, говорить, хотеть просить, да и только.

— А ты пойдешь?

— Да что жъ мнѣ дѣлать-то? Отецъ съ матерью велеть, такъ пойдешь по неволѣ....

Тутъ только я спохватился, что полюбилъ Грушу, не спросясь съ разумомъ. Самъ я видѣлъ, что жениться мнѣ на ней нельзя. Къ какой стати стали бы брать крестьянскую дѣвку за двороваго человѣка? И еще кабы я былъ человѣкъ заслуженный, и сами бы господа были на лицо; а управляющій, если бы и хотѣлъ, такъ не могъ перемѣнить заведенныхъ порядковъ. Тутъ же былъ замѣшанъ староста; а разумется, для старосты скорѣй сдѣлаютъ, чѣмъ для меня, какого-нибудь мальчишки. Горе взяло меня, а дѣлать нечего; хожу, словно камень на шеѣ. Одна только